

от способности объективно оценивать ситуацию и принимать не только согласованное, но и квалифицированное решение, от повышения ответственности всех участников соглашений за выполнение принятых обязательств. Необходимо дальнейшее совершенствование законодательства о социальном партнерстве. На наш взгляд, целесообразно формирование в ЕАЭС органа социального партнерства по образцу Экономического и социального комитета, функционирующего в Евросоюзе и где представлены все государства-члены ЕС на пропорциональной основе, каждое тремя группами: работодатели, трудящиеся и группа различных интересов. Представители всех групп могут назначаться в состав органа правительствами стран на четыре года, финансирование работы производится из общего бюджета ЕАЭС. Деятельность такого органа будет носить экспертно-консультативный характер, его мнение должны запрашивать руководящие органы ЕАЭС, и в первую очередь Евразийская комиссия, при подготовке нормативных документов по социально-экономическим проблемам.

Литература

1. Михеев, В. А. Основы социального партнерства: теория и политика / В. А. Михеев. – М., 2001.
2. Дубовик, Е. А. Взаимодействие профсоюзов и государства в формировании системы социального партнерства в Республике Беларусь / Е. А. Дубовик // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2012. – № 2. – С. 8-13.
3. Сайдахмедов, А. И. Развитие социального партнерства в Республике Казахстан / А. И. Сайдахмедов // Трудовое право. – 2010. – №4. – С.85-90.

СЕКЦИЯ 2. Евразийские философские традиции: сравнительный анализ, поиск общих истоков

***Медведев Н.В.* Противостояние двух философских традиций: уроки историографии**

Философия двадцатого века характеризуется противостоянием двух ведущих традиций: аналитической и континентальной. Стало

общим местом рассуждать о различиях между "аналитической философией" и "континентальной философией". Многие философы считают себя "аналитическими философами" или "континентальными философами". Однако, в противоположность принятому мнению, не совсем ясно, что именно подразумевается под этими наименованиями. В исследовательской литературе сегодня можно обнаружить различные воззрения о природе и истоках аналитической философии, а также о том, кого можно считать "образцовым" аналитическим философом. Интерес к данной теме, вызвавшей оживленную дискуссию в 1990-е годы (Даммит, Фолесдал, Слуга), постоянно подогревается выходом в свет очередного исследования, освещающего историю аналитического движения. Неослабевающее внимание специалистов к вопросу о критериях различения аналитической философии свидетельствует о спорности культурно-географического или национально-языкового маркера для демаркации аналитической и континентальной традиций. Вполне обоснованным выглядят выдвигаемые сомнения о степени методологической эффективности и научной оправданности по использованию дихотомии "аналитический-континентальный" для описания истории новейшей философии.

Ущербоность данной классификации становится явной при попытке определить место конкретного мыслителя в структуре философского ландшафта. Отмеченные мною претензии служат основанием для формулировки главного тезиса представленной работы: принятое в историко-философской литературе разграничение и противопоставление "аналитической философии" и "континентальной философии" должно быть переосмыслено с учетом имеющейся информации по историографии аналитического движения.

Как заметил Бернард Уильямс, разделение философии на аналитическую и континентальную ведет к смешению основания, как, например, деление автомобилей на японские и автомобили с передним приводом. Следует обратить внимание на то, что рассматриваемая нами терминология не очень хорошо согласуется с тем фактом, что истоки аналитической философии глубоко укоренены в философии континентальной Европы. Так, основатели аналитической философии Фреге, Витгенштейн, логические

позитивисты Венского кружка были из континентальной Европы. Результаты исследований последних лет показывают, что в целом история аналитического движения, его возникновение и становление, укоренена в континентальной философии. Однако, это не должно мотивировать нас на радикальный шаг - отбросить как ненужный хлам термины "аналитическая философия" или "аналитическая традиция в философии". Дело здесь не только в том, что термин "аналитическая философия" (как, впрочем, и "континентальная философия") приобрел в настоящее время признанную легитимность в историко-философской науке, а скорее в том, что подобная деструктивная процедура лишь усугубит положение дел в историографии современной философии. Хотя справедливым можно считать замечание, что фиксированные признаки аналитической философии (логицизм, лингвоцентризм, сциентизм и некоторых других) действительно дают сбой в случае идентификации позиции конкретного мыслителя (например, Витгенштейн).

Сама идея "аналитической философии", как противоположной "континентальной философии", является относительно недавним философским изобретением [Ribeiro N. Towards an understanding of history of analytical philosophy. Coimbra: Minerva Coimbra, 2002.]. Понятие "континентальная философия" есть миф, разработанный "аналитической философией", т.е. это философская конструкция последней. До 1970-х годов главные школы аналитического движения (а именно, логический позитивизм и так называемая "британская философия обыденного языка") жили бок о бок друг с другом, несмотря на имеющиеся разногласия. Представители школ логико-конструктивистской и лингвистической направленности вступали в контакт между собой, но делали это без обязательного метаисторического ощущения своей принадлежности к единому, исторически определенному и довольно консолидированному движению или традиции. Согласно точке зрения М. Даммита [Dummett M. Truth and other enigmas. London, Duckworth, 1978, pp. 437-458], самыми опасными врагами для британских философов обыденного языка (Остин, Райл) были не метафизика и эпистемология, а Рудольф Карнап и позитивизм. Эти философы отождествляли философию Рассела с традиционной, дискредитировавшей себя метафизикой; философия Фреге и ее

актуальность для истории философии в целом игнорировалась, за некоторым исключением (Остин Дж. Л.); а философия Витгенштейна, несмотря на ее роль и влияние на философское мышление, была связана с Расселом и "кембриджской школой" [Pears D. Logical atomism: Russell and Wittgenstein // Ayer A. J. The revolution in philosophy. London: MacMillan and Co., pp. 41-55;].

В данном контексте понятие, которое Айер (1936) охарактеризовал в 1930-е годы как "британская эмпирическая традиция в философии" (Локк, Беркли, Юм, Рассел) и которое несколькими десятилетиями спустя стало источником, по крайней мере частично, "аналитической философии" и ее антипода "континентальной философии", было также дискредитировано, учитывая ту роль, которую сыграла философия Рассела в утверждении данной традиции. Другими словами, основания "аналитической философии", как исторически сложившегося единого движения, не подвергались сомнению, поскольку еще не существовало того, что на деле соответствует принятому сегодня наименованию. Отметим, что с 1962 года различия между Обществом за феноменологическую и экзистенциальную философию и Американской философской ассоциацией стали отчетливо отражать "аналитическо-континентальное" деление. Ситуация окончательно изменилась к 1970-м годам, когда "американская школа", как ее называл М. Даммит, вышла на международную арену (Куайн, Патнэм и др.). Только с этого времени, как свидетельствует современная историография, начинает свое существование дошедшая до наших дней подлинная "аналитическая философия", которая имеет свои корни в той или иной протоистории традиционной философии.

Историография аналитического движения в последние десятилетия была представлена достойными работами, например Коффа [Coffa J. A. The semantic tradition from Kant to Carnap: to the Vienna station. Cambridge, 1991] и Рорти [Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997], а также специальными исследованиями признанных лидеров самого этого движения (включая Рассела, Карнапа и Витгенштейна). Коффа и Рорти предположили, что истоки аналитического движения и тот предмет, к которому оно обращается, являются проблемами, введенными "континентальными философами", в частности кантовское

разграничение аналитических и синтетических суждений (Коффа); или возвращающие нас в эпоху новоевропейского модернизма эпистемологические допущения (Декарт, Локк, Кант), согласно которым мир может быть определенным способом репрезентирован или отражен в философии (Рорти). Поэтому можно утверждать, что встречающееся в литературе высказывания о том, что аналитическая философия обратилась к совершенно новой проблематике, была революционной и отличалась от старой "континентальной" философии, является заблуждением.

Таким образом, можно сделать вывод, что дихотомия или противостояние двух философий, которое все еще отмечают историографы аналитического движения [Glock H.-J. What is analytic philosophy? Cambridge: Cambridge university press, 2008], требует сегодня своего переосмысления. Понимание двух традиций в более широком историческом контексте позволяет нам увидеть их различия и особенности в новом свете. Так, если мы хотим понять, что есть философский анализ в аналитической традиции, то не следует избегать того факта, что анализ является также методом феноменологии, и что методы анализа и синтеза имеют давнюю традицию. Если мы оперируем в своих исследованиях терминами "аналитическая философия" и "континентальная философия" для идентификации философских представлений конкретного автора, то должны применять с учетом их взаимного влияния или в терминах семейного сходства (Глок), а не строгих, однозначных характеристик. По крайней мере, языковая ясность и концептуальная точность являются существенными чертами строгого стиля философствования, обнаруживаемого в обеих традициях.

Дик П.Ф. Этноконфессиональный аспект диалога

Философский анализ этноконфессиональной составляющей евразийского диалога имеет богатую традицию благодаря непреходящей актуальности связи национального и конфессионального компонентов в бытии евразийских народов и культур. Даже в советский период с его официальной монистической идеологией, включающей научный атеизм и пролетарский интернационализм, состояние народно-